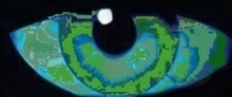

ДРУЗЬЯ ЛЕСА

ЕЛЕНА БРЕУС

12+

Елена Бреус
Друзья леса

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Бреус Е.

Друзья леса / Е. Бреус — «ЛитРес: Самиздат», 2014

С любовью к Стивену Кингу. Прошлое не исчезает. Нам только кажется, что мы избавились от него, но оно настигает нас в самых неожиданных местах, воскрешая забытые воспоминания и переворачивая нашу жизнь. Прошлое возвращается, когда весело шелестящий зеленой листвой лес становится прибежищем кошмаров...

-Туу-тук... тук-тук, туу-тук, тук-тук...

Илья Михайлович Туманский устало откинулся на спинку сиденья и страдальчески поморщился. Какой болван придумал, что монотонный стук колес поезда успокаивает? Ни черта он не успокаивает, совсем наоборот. С тех пор, как Туманский сел в вагон, настроение его портилось все больше и больше. Невесть откуда взявшееся ощущение тоскливой тревоги постоянно нарастало.

“Нам только кажется, что мы управляем вещами, – угрюмо думал Илья Михайлович, нервно барабанив пальцами по коленке. – На самом деле, это они управляют нами.”

Его богатое воображение уже нарисовало картину: хищный поезд, как огромный железный питон, проглотил его целиком и, затолкав в мягкий полумрак вагона, пополз дальше, неумолимо и настойчиво подчиняя своему мрачному ритму тело и мысли жертвы.

Туманский бросил взгляд за окно. В сгущающихся сумерках сплошная стена леса, быстро убегающего вдаль, казалась почти черной. Узкая полоска серого неба над верхушками деревьев стремительно темнела, и Илье Михайловичу стало еще тоскливее. В который раз он отругал себя за то, что согласился на эту поездку.

– Дурак! Мякотелый идиот! – сердито пробормотал он себе под нос. – Когда ты уже научишься отстаивать собственные интересы, а не идти на поводу у тех, кто тобой беззастенчиво манипулирует? Тебе чертова уйма лет. Ты имеешь кое-какой вес. Пора бы уже начать делать то, чего хочешь ты, а не те, кто на тебе паразитирует!

Гневная речь была адресована не столько самому себе, сколько Нелли Руваевой, главному редактору издательства, с которым давно и успешно сотрудничал Туманский. К своим пятидесяти шести годам Илья Михайлович являлся признанным мастером слова и “топовым” автором. Его фантастические романы вот уже почти двадцать лет неизменно становились бестселлерами, и он бы мог диктовать свои условия издательству, но противостоять мадам Руваевой было не в его силах.

Жесткая как кремь и хитрая как змея Руваева, всегда добивалась того чего хотела, умело пуская в ход посулы, угрозы, лесть и другие методы воздействия. Тем более, что на ее стороне всегда были два волшебных словосочетания: заманчивое “рост тиражей” и угрожающее “падение популярности”, перед которыми не устоит ни один автор. Если Туманский собирался в отпуск в Сочи, а Нелли требовалось, чтобы он поехал на встречу с читателями в Новгородскую область, то можно было не сомневаться, куда тот в итоге отправится. Вот и сейчас, по настоянию главного редактора, Илья Михайлович ехал в маленький сибирский город Кочин. Город, в котором он родился и в который ни разу не возвращался за последние сорок четыре года. Там должна была состояться церемония открытия памятной доски в школе, где ему довелось учиться в младших классах.

До боли в суставах Туманскому не хотелось туда ехать. Он давно похоронил в глубинах памяти крохотный сибирский городок, в котором прошло его детство, и не без причины. Юные годы писателя получились безрадостными, омраченными тяжелым пьянством отца и нищенским существованием семьи. Безобразные пьяные скандалы, слезы матери и вечный сквозняк из окна над его детской кроватью накрепко соединились в его сознании с Кочинным. Когда мальчику исполнилось одиннадцать отец утонул в реке. Его тело, страшное, разбухшее от воды, выловили лишь спустя неделю после исчезновения. Через некоторое время после этой трагедии мать Ильи уступила настойчивым приглашениям сестры и решила на переезд в Москву. В столице дела пошли неплохо: муж сестры помог с работой; им дали комнату в общежитии, а потом и отдельную квартиру, и жизнь их маленькой семьи наладилась. Чуткая душа юного Илюши инстинктивно постаралась забыть годы и события, произошедшие в таежной глубинке. Родственников и друзей в Кочине у них не осталось, поэтому все связи с городом детства были оборваны однажды и навсегда.

За все прошедшие десятилетия Туманский ни разу не бывал на своей малой родине и не имел ни малейшего желания туда ехать, но мадам Руваева уверенной рукой организовала мероприятие под кодовым названием “Возвращение знаменитости в родные пенаты”, призванное поднять и без того высокий рейтинг Ильи Михайловича. Памятная доска с трогательной надписью была заказана; ученики из его бывшей школы зубрили отрывки произведений фантаста для торжественного вечера; журналисты двух местных и одной областной газеты готовились широко освящать это знаменательное событие; и вот уже несчастный Туманский летит в Иркутск и садится в безмерно раздражающий его поезд, который наутро должен доставить его к месту назначения.

– Ну не надо!... Не надо делать такое кислое лицо, – широко улыбалась ему на прощание Руваева. – Любой нормальный человек радовался бы возможности посетить родные края. Тем более, что твой Кочин за последние годы превратился из Богом забытого места в процветающий и развивающийся город. Меня заверили, что там прямо кусочек Европы посреди тайги образовался: чистые улицы, новые дома, ухоженные скверы и парки.

– С чего бы это? – скептически усмехнулся Туманский, в памяти у которого всплыла ухабистая дорога перед домом его детства, упиравшаяся в ветхий мост времен гражданской войны через грязную реку Чулымку.

– Вроде бы кочинцам с городскими властями повезло, – пожала плечами Нелли. – Деловые, энергичные, а главное – не воруют.

Она взглянула на часы и заторопилась.

– Ого! Половина четвертого. У меня встреча через пятнадцать минут. Ну, удачно тебе съездить, Илья!

Туманский тяжело вздохнул и посмотрел на соседнюю полку. Сейчас в двухместном купе – улучшенного класса, оба места нижние – он был один.

“Хоть бы повезло и никто не подсел... – отрешенно подумал он. – А то припрется какая-нибудь говорливая бабка с холодной курицей или того хуже, мужик средних лет, твердо убежденный в том, что ночь в поезде предназначена для обильных вливаний спиртного в собственное нутро, с одновременным излиянием духовной составляющей этого нутра на случайных попутчиков.”

Несмотря на недавние успехи в развитии Кочина, аэропортом город еще не обзавелся, и единственным способом попасть туда был этот поезд, который томительно долго, с многочисленными остановками, доставлял пассажиров к месту назначения.

– Я плохо переношу поезда, – тщетно уговаривал Руваеву Илья Михайлович. – Ты же знаешь, у меня кардиомиопатия!

– Помню, помню, – хмыкнула главный редактор. – А также язва желудка, хронический холецистит, артрит и гипертония.

Она решительно взмахнула рукой, отменяя все его возражения.

– Дорогой ты мой! Это же совсем короткая поездка, всего три дня. А в поезде лучше всего сразу лечь спать. Время пролетит, ты и не заметишь.

“И то правда, – угрюмо подумал Туманский, решив последовать совету главного редактора. – Лягу, почитаю, там, глядишь, и засну.”

Он достал из портфеля книжку в мягком переплете, купленную на вокзале. С обложки на него свирепо таранился мускулистый парень с огромными кулаками, прикрывающий квадратным плечом хрупкую блондинку.

“Шедевр из серии “Круто-Люто-Бешеный возвращается”. – усмехнулся Туманский. Он специально купил именно эту книгу, поскольку опытным путем установил, что такого рода чтиво всегда бывает на редкость нудным и неминуемо нагонит сон.

Ручка двери купе повернулась, и Илья Михайлович испуганно поднял голову. Неужели попутчик? Воображение тут же нарисовало бойкую толстуху в цветастом платке с корзиной

под мышкой, впихивающую свое мощное тело в крошечное пространство купе и немедленно начинающую чистить вареные яйца, стряхивая скорлупу на брюки Туманского. Но он ошибся. Это была всего лишь проводница, проверявшая билеты. Когда за ней закрылась дверь, Илья Михайлович вздохнул с облегчением и собрался уткнуться в книгу, но видение толстухи с яйцами не исчезло, и он почувствовал, что голоден.

Туманский захлопнул книжку и с раздражением поджал губы. Черт! Еду можно купить в вагоне-ресторане, но что ему там могут предложить, в этом убогом поезде? Позавчерашнюю котлету со слипшимися макаронами или твердую, как шкура слона, курицу? А у него язва!

“Пищевое отравление гарантировано,” – мрачно размышлял Илья Михайлович, взвешивая в уме возможные последствия ужина и перспективу лечь спать голодным. Голод победил, и писатель нехотя поднялся на ноги, чтобы отправиться в вагон-ресторан. Настроение его испортилось еще больше.

Народу в ресторане оказалось немного: пожилая семейная пара энергично расправлялась с ужином; полный лысоватый мужчина лет сорока что-то подкладывал в тарелку такому же полному мальчику с россыпью веснушек на носу; да двое молодых мужчин за крайним столиком неспешно потягивали пиво из высоких бокалов.

“Остальные едят свои пирожки и куриц в купе,” – отметил про себя Туманский с некоторой завистью. Домашняя еда теперь представлялась ему меньшим злом по сравнению с казенными харчами, и призрак толстухи-попутчицы с корзиной уже не казался таким пугающим.

Илья Михайлович присел за столик в середине вагона и принялся изучать меню.

“Судак, форель, борщ...” – глаза торопливо пробежали по строчкам, выискивая безопасные для его больного желудка блюда.

– Что будете заказывать? – раздался у него над ухом звонкий девичий голос.

Туманский поднял голову и удивленно уставился на официантку. Умное, даже интеллигентное лицо, очаровательная улыбка и веселые искорки в глазах, обрамленных такими пушистыми ресницами, что невозможно было определить их цвет. Ко всему этому великолепию прилагались точеная фигурка и густые русые волосы, небрежно свернутые узлом на затылке. Впервые в жизни писателю встретилась такая работница общепита.

– Мне бы... Что-нибудь диетическое... У меня язва... – нерешительно произнес Илья Михайлович.

– Из диетического только курица! – бодро отрапортовала хорошенькая официантка, и ее улыбка стала еще шире.

– А... Ну... Тогда курицу, – обреченно сник писатель.

– Ну, что вы, – хихикнула девушка и укоризненно качнула головой. – Это же из фильма “Вокзал для двоих”! Главный герой просит что-нибудь диетическое, а героиня ему отвечает: “Есть только курица” Не помните разве?

– А?... Да, наверное помню... – несмело улыбнулся в ответ Туманский.

– А у нас есть целое диетическое меню, – гордо возвестила красавица и ткнула розовым фарфоровым пальчиком в нижний край листа с названиями блюд.

Потом она что-то вспомнила и смутилась.

– Ой, знаете... Вы сюда не смотрите, – торопливо произнесла она. – Диетическое меню на сегодня... Оно не полностью... Рыбы на пару нет... И омлет уже не сделают, яйца кончились... Вот...

Она пробежала беспокойным взглядом по строчкам и решительно предложила:

– Вы лапшу возьмите. Очень хорошая лапша. Диетическая.

– Свежая? – для порядка усомнился Туманский.

На самом деле из рук этой очаровательной официантки он готов был съесть и рагу из дождевых червей.

– Само собой, – твердо заверила его та. – У нас всё свежее.

– Давайте, – кивнул Илья Андреевич, расправляя салфетку на коленях.

Девушка кивнула в ответ и поспешила на кухню. Писатель проводил ее задумчивым взглядом, гадая, как такая бабочка могла оказаться в муравейнике.

– Простите... – не выдержал он, когда официантка вновь появилась за его столом с подносом еды, – вы давно здесь работаете?

– Первый месяц и второй год, – непонятно ответила красавица и, улыбнувшись, пояснила: – Вообще-то я учусь в институте, а здесь подрабатываю во время каникул. В прошлом году работала все три летних месяца, а в этом только два получится, потому что еще практику надо на заводе пройти.

– И кем же вы будете по окончании института? – Туманский отчего-то искренне обрадовался тому, что эта принцесса оказалась не настоящей официанткой.

– Бакалавр химии по специальности химия твердого тела и химия материалов, – без запинки ответила русоволосая фея, сделав серьезное лицо.

– Ох ты! – искренне изумился фантаст и уважительно покачал головой.

– Принести вам что-нибудь еще? – девушка уже снова улыбалась, превратившись в приветливую работницу общепита.

– Нет-нет, спасибо, – ответил Илья Михайлович, погружая ложку в прозрачный бульон.

Он невольно подумал, что был несправедлив к этому краю. Все известные ему московские девушки этого возраста мечтали о карьере модели или свадьбе с олигархом (вернее, о том и другом вместе), а эта юная сибирячка собирается осваивать какую-то заумную профессию, да еще и подрабатывает на железной дороге в свободное время, наверняка чтобы оплачивать обучение или помогать родителям. Размышляя над очевидным превосходством молодой поросли провинции перед столичными финтифлюшками, он незаметно добрался до дна тарелки. Лапша оказалась вполне съедобной и почти примирила писателя с окружающей действительностью.

“Вот еще бы этот проклятый стук прекратился,” – подумал Туманский, всем телом ощущая неприятные вибрации поезда.

Словно в ответ на его невысказанную просьбу, механический питон замедлил ход и, после нескольких слабых толчков, остановился. Илья Михайлович почувствовал облегчение – ненавязчивое постукивание прекратилось. За окном виднелись тусклые фонари на перроне очередной маленькой станции. Туманский обхватил обеими руками кружку с остывшим чаем и с удовольствием вытянул ноги под столом, наслаждаясь короткой передышкой.

По укоренившейся писательской привычке он принялся незаметно разглядывать окружающих его людей, цепким взглядом отмечая интересные или необычные детали, которые потом можно будет вставить в книгу. К двум молодым людям с пивом присоединился третий, и звяканье бутылок стало громче. Пожилая пара уже завершила свой ужин и так же энергично и целеустремленно, как до этого поглощала еду, направилась к выходу из ресторана. Полный лысоватый мужчина и мальчик – несомненно отец и сын – тоже завершали трапезу. Отец заботливо подвигал салфетку своему пухлому отпрыску, пока тот с упоением выковыривал из чайной чашки размокшие дольки лимона.

Зрелище этой мирной семейной сцены внезапно отозвалось болезненным уколом глубоко в душе Ильи Михайловича, всколыхнув давно и, казалось бы, надежно упрятанные воспоминания.

“Почему у меня все было не так? Почему мой отец никогда не ехал со мной в поезде и не кормил поздним ужином...” – с горечью пронесся в мозгу вопрос, на который не было ответа.

Маленький Илюша Семечкин – такова была настоящая фамилия видного автора российской фантастики Туманского – обожал отца: такого сильного, доброго и все умеющего. К сожалению, обожание длилось недолго. Когда мальчику стукнуло четыре года отец, всегда регулярно выпивавший, пил уже так, что превратился в совсем другого человека: пьяного

незнакомца, которому не было дела до жены и сына, да и вообще до целого света. Ко времени когда Илюша пошел в школу поезд жизни Михаила Семечкина уже стремительно летел под откос: периоды трезвости становились все короче и реже, постепенно сходя на нет, и уже ничто в облике этого опустившегося пьянчуги не напоминало того веселого и заводного парня, покрывшего сердце Илюшиной матери. Отец постоянно пропадал из дома, возвращаясь лишь для того, чтобы устроить очередной скандал с рукоприкладством и утащить и продать за водку что-нибудь из уцелевшего имущества. Любовь к отцу увяла под напором всеразъедающего алкоголя, осталась лишь жалость. Жалость к непутевому покойному родителю, к состарившейся прежде времени матери и к себе, так рано лишившемуся нормальной отцовской поддержки.

Туманский поставил на стол опустевшую чашку и тяжело вздохнул.

“Я даже не могу вспомнить, когда видел его живым в последний раз, – с горечью подумал он, перебирая в памяти забытые годы. – Хотя нет, постой, помню!”

Перед его внутренним взором возникла отчетливая картинка. Жаркий июльский полдень в Кочине. Ему одиннадцать лет. Он лежит на крыше сарая и черный рубероид легонько царапает полоску голого тела на животе, между рубашкой и заношенными до дыр брюками. Крыша сарая – это их любимое место с другом Гариком, законно отвоеванное в схватке с семиклассником Вовкой Мурашовым. Лежа на крыше можно видеть весь небольшой двор их двухэтажного барака на восемь квартир, самому при этом оставаясь незамеченным.

Друг Гарик еще не появился. Он сейчас помогает матери на почте, и Илье приходится томиться на крыше в одиночестве. Вместо скучного и бездеятельного ожидания он предпочел бы постучать мячом об стенку, но стенка находится в опасной близости от дома Мурашова, мечтающего взять реванш за крышу, и без Гарика туда соваться не стоит.

Илья обводит скушающим взором пыльное пространство двора, разморенное под горячими лучами солнца. Ничего интересного. На веревке сушится белье суровой старухи Огарковой из второй квартиры. У перил крыльца дрыхнет черно-белый кот Барсик, принадлежащий ей же – первый драчун среди окрестных котов. Он лежит на боку, вольготно вытянув вперед сильные лапы. Жестоко обгрызенные уши и усы подрагивают в такт кошачьим сновидениям. Чуть поодаль от крыльца, в тени старого вяза, расположился дед Аксюта. Он тоже спит, развалившись на колченогом стуле и выставив вверх клочковатую бородавку.

Дед Прохор Аксюта – производное от фамилии Аксютин – был фигурой загадочной и немного зловещей. Он числился дворником в местном домоуправлении и на этом основании занимал казенную квартиру в подвальном помещении, но увидеть его с метлой или лопатой удавалось крайне редко. По большей части за него убирал мусор и чистил снег угрюмый глухонемой дворник Василий с соседней улицы, а дед Аксюта отирался на местном базаре или на вокзале, а то и вовсе исчезал в неизвестном направлении на неделю-другую.

Сейчас глядя на худосочного старика в большом, не по размеру, ватнике на голое тело и беззащитной тощей шеей, трудно было представить себе, что деда Аксюту побаивались не только окрестные мальчишки, но и взрослые мужики. И дело было не в том, что за плечами этого человека явно была тюрьма – тело его покрывали многочисленные сизые купола, кресты и кинжалы. Было во взгляде старика что-то такое, что отпугивало даже самых отчаянных забияк, заставляя обходить его десятой дорогой.

Нагретое пространство двора дышало расслабленным покоем, и Илья поддался всеобщей сонливости. Он положил голову на руки и прикрыл глаза. Дремотную тишину нарушали лишь слабое тарахтенье автомобиля где-то вдалеке, да невнятное бормотание радиоприемника из квартиры бухгалтерши Люды на втором этаже.

Внезапно окружающая обстановка неуловимо изменилась. На солнце набежала небольшая тучка, и порыв холодного ветра рванул наружу занавески из раскрытых окон. Воробьи, притихшие в ветвях высокого тополя, растерянно залопотали на своем птичьем языке и мет-

нулись прочь, первыми почуяв неладное. Илья тоже почувствовал перемену. Он встревоженно открыл глаза и поднял голову.

Прохлада, принесенная ветром и тенью, не была доброй. Вместе с нею во двор вползло что-то холодное и неотвратимое. Опытный боец Барсик мигом определил источник опасности. Он открыл глаза, наострил уши и резво подобрал под себя мускулистые лапы. Шерсть не его загривке поднялась дыбом, и он сердито зашипел, повернув голову влево.

Илья посмотрел туда, куда тарашил свои желтые глаза черно-белый кот, и невольно вздрогнул. На щербатом асфальте дорожки, ведущей во двор, стоял мужчина. Грязный, небритый, со всклокоченными волосами, он стоял странно скособочившись и обводил мрачным взором окружающее пространство. От всей его фигуры веяло тревогой, а в глубине маленьких блеклых глаз под красными веками читались затаенные боль и страх. Илья судорожно вздохнул и затаил дыхание. На дорожке стоял Михаил Семечкин, его отец.

Мальчик инстинктивно пригнул голову и замер, но тут же одернул себя. Толстая ветка березы надежно укрывала его от взглядов тех, кто решил бы обратить внимание на крышу сарая. Отец его не увидит. Поняв это, Илья немного расслабился и осторожно вытянул шею, разглядывая еще более отощавшего и потрепанного, чем всегда, родителя. В этот раз тот бродяжничал дольше обычного – почти две недели – и весь его облик ясно говорил, что это время он провел не лучшим образом.

Только дед Аксютя остался равнодушен к появлению нового человека. Он по-прежнему спокойно спал на своем трехномом табурете, для устойчивости прислоненном к стене дома. Наткнувшись тяжелым взглядом на старика, Михаил едва заметно качнул головой и двинулся ему навстречу. Оказавшийся между ними Барсик упруго вскочил на лапы, воинственно мявкнул и стал благоразумно отступать задом к двери подъезда, опасаясь привычного пинка от старшего Семечкина.

Но сегодня кот нисколько не интересовал Михаила. Он его даже не заметил, продолжая свое медленное движение вперед. Мужчина шел, едва переставляя ноги и слегка наклонившись вправо. Илья заметил, что левую руку отец прижимает к правому боку и время от времени болезненно морщится.

“Опять ему кто-то навалил,” – понял мальчик, машинально пощупав свой затылок. Шишка от удара пьяного отца исчезла только несколько дней назад. Старший Семечкин в нетрезвом виде был задирист и скор на рукоприкладство.

Михаил сделал еще несколько шагов вперед и остановился прямо перед спящим дедом Аксютей. Он постоял несколько мгновений в задумчивости и вдруг стремительно занес левую руку вверх. Лицо его искривилось в злобной гримасе, и Илья замер от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.